

Критика гендерного языкознания с позиций феминистской лингвистики

Л. А. Ульяницкая✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Введение. Настоящее исследование посвящено раскрытию особенностей и основных задач феминистской лингвистики. Научной новизной является впервые проводимое противопоставление феминистской лингвистики и гендерного языкознания, выявление их принципиальных отличий, а также аргументов в пользу научной и практической значимости именно феминистских лингвистических исследований. Актуальность исследования объясняется категорической недостаточностью научных трудов по теме, а также все возрастающим интересом к изучению языка как антропоцентрического социокультурного феномена и увеличивающимся значением феминистского движения во всем мире.

Методология и источники. Теоретическую базу исследования составили отечественные и зарубежные работы по гендерным исследованиям (А. В. Кирилина, А. М. Кузнецов), по феминистским исследованиям в социологическом и социолингвистическом аспекте (Л. Н. Казнин, Р. Лакофф, М. Фуко), а также по феминистским лингвистическим исследованиям (Н. А. Антропова, Е. Горшко, О. А. Воронина, Е. Здравомыслова, А. В. Толстокорова). В качестве методов исследования следует рассматривать метод анализа и синтеза теоретического материала, метод опроса респондентов, метод анализа фактического материала.

Результаты и обсуждение. Последние научные результаты в области феминистской лингвистики все более выявляют несостоятельность попыток доказать существование «языка женщин» или «языка мужчин», и тем более гендерлекта. Речь идет исключительно о социокультурном феномене воспроизведения речевых шаблонов женского и мужского поведения в той или иной культуре. Феминистская лингвистика использует в своих исследованиях более глубокий подход и обращается непосредственно к системе языка, выявляет в нем гендерную асимметрию, выражаемую в языковой андроцентричности, предлагает стратегии по борьбе с языковым сексизмом, разрабатывает конкретные способы его устранения: создание гендерно нейтральных лексем, внедрение феминитивов, применение инклюзивного письменного языка. Это становится возможным лишь при условии проведения языковых феминистских реформ и осуществлении грамотного языкового феминистского планирования.

Заключение. Анализ достижений традиционного гендерного языкознания позволяет утверждать, что феминистские лингвистические исследования привносят в языковедение множество новых идей, имеющих особую ценность. Феминистская критика языка является прогрессивным направлением в современной лингвистике, обращает внимание на наиболее насущные языковые проблемы общества и предлагает пути их эффективного разрешения.



Ключевые слова: феминистская лингвистика, феминистская критика языка, языковая политика, андроцентризм, феминизм.

Для цитирования: Ульяницкая Л. А. Критика гендерного языкознания с позиций феминистской лингвистики // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 2. С. 135–155. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-2-135-155

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 10.02.2021; принята после рецензирования 12.03.2021; опубликована онлайн 23.04.2021

The Critique of Gender Linguistics from the Perspective of Feminist Linguistics

Liubov A. Ulianitckaia✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Introduction. The paper reviews features and main problems of feminist linguistics. The novelty of the study is an unparalleled take on feminist linguistics in contradistinction to gender linguistics; the identification of their fundamental differences as well as emphasizing arguments in favour of both scholarly importance and practical value of feminist linguistic studies. The relevance of the study is conditioned by the lack of academic papers concerning the subject; the growing interest in studying the language as an anthropocentric sociocultural phenomenon; and the increasing significance of the feminist movement world-wide.

Methodology and data sources. The theoretical foundation of the study constitutes Russian and foreign gender studies (works of A. V. Kirilina, A. M. Kuznetsov), feminist sociological and sociolinguistic studies (L. N. Kaznin, R. Lakoff, M. Fuko) as well as feminist linguistic studies (N. A. Antropova, E. Gorshko, O. A. Voronina, E. Zdravomyslova, A. V. Tolstokorova). The methods of the study include both analysis and synthesis of theoretical material; polling research; the analysis of the collected data.

Results and discussion. The latest results on feminist linguistics research are showing inadequacy of the attempts of proving the existence of either «women's language», «men's language», or genderlect. This is in fact entirely sociocultural phenomenon of the replicating women's and men's behavioral patterns in a particular culture, including the patterns of speech. Feminist linguistics uses a more in-depth approach in the studies and addresses the language system directly, identifying gender asymmetry that is evident in the androcentrism of a language; it also develops strategies against language sexism and suggests concrete ways of its elimination, such as the introduction of gender-neutral lexical units and feminine gender-specific job titles, the implementation of inclusive language. All of that is possible with feminist language reforms and appropriate feminist language planning.

Conclusion. An overview of conventional gender linguistics findings draws to a conclusion that feminist linguistic studies introduce lots of new ideas of a special value to linguistics. Feminist language critique is a progressive course of modern linguistics that draws attention to the most vital language issues of the society and suggests effective means of addressing them.

Key words: feminist linguistics, feminist language critique, language policy, androcentrism, feminism.

For citation: Ulianitckaia L. A. The Critique of Gender Linguistics from the Perspective of Feminist Linguistics. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 2, pp. 135–155. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-2-135-155 (Russia)

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 10.02.2021; adopted after review 12.03.2021; published online 23.04.2021

Введение. Лингвистика в XX в., будучи наукой не только естественной, но и гуманитарной, стала во многом антропоцентрична, что позволило сформироваться целому ряду междисциплинарных направлений, изучающих не просто язык как самостоятельную закрытую систему, а непосредственную реализацию языка в человеческом общении. Теория коммуникации, теория дискурса, психолингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология, контактология – все эти дисциплины рассматривают актуализацию языка в той или иной коммуникативной ситуации и принимают во внимание, может быть даже в первую очередь, контекст коммуникации и ее интенцию. Язык стал довольно явно восприниматься важной составляющей при изучении человеческого взаимодействия, а главное, в нем увидели некий «маркер», показатель реальных отношений между коммуницирующими. Лингвокультурологи видят в языке закрепленные культурные коды, психолингвисты – индивидуальные психические процессы, а социолингвисты – взаимоотношения людей в обществе. В сферу исследований социолингвистики входит широкий ряд вопросов: от изучения социальных диалектов до понятия социальной идентичности, от формирования креольских языков до языковой политики, от проблем межкультурной коммуникации до гендерной лингвистики. Впрочем, последнее можно считать уже полностью сформировавшимся самостоятельным направлением в науке.

Предпосылок к возникновению идеи об обособленных «мужских» и «женских» исследованиях чего-либо в языке, казалось бы, не так много, но есть одна и, по-видимому, очень весомая. Естественное биологическое разделение на два пола – женский и мужской – зачастую заставляет ученых так или иначе обращаться к этому разделению в описании поведения, реакций, ценностных ориентиров или языковой картины мира объекта их исследования. Стадией «дополового» разделения окружающего мира можно было бы назвать стремление увидеть мир вокруг нас антропоморфным. Доказательством этому служит большое количество антропоморфных метафор, которые мы находим практически в любом языке (антропоморфная метафора считается базовой, основополагающей и универсальной). Примерами таких метафор в русском языке могут считаться: *ручка двери, носик чайника, ножка стола, подножье горы, глава государства, твердое тело, родственные языки, искусственный интеллект, эмбриональный вулкан, плакучая ива, пароходы дремлют, месяц улыбается* и т. д. Но в языке встречаются примеры, когда общей антропоморфности становится недостаточно, и в различных номинациях возникают разделения по мужскому и женскому полу. Разделение животных на особей женского и мужского пола в зависимости от репродуктивной функции по аналогии с человеком вряд ли покажется чем-то необычным, тогда как применение схожих принципов в ботанике уже начинает казаться менее естественным, хотя все же и связано с возможностью репродукции. Соответственно, есть мужские и женские растения, есть *пестики* и *тычинки*, есть *облепиха «мальчик»* и *облепиха «девочка»* и т. д. Это характерно для всех однодомных растений, которым необходим противоположный пол для размножения. Еще более занятным представляется экстраполяция человеческих половых различий на область за пределами фауны и флоры. Так, в технике используются термины *разъем «папа»* и *разъем «мама»*, *материнская плата*,

в поэтике – *мужская рифма* (стихотворная строка заканчивается ударным слогом) и *женская рифма* (ударение падает на предпоследний слог в строке).

Распространение категорий и законов биологии на понимание общественной жизни получило название *биологического детерминизма*. Наиболее распространенными школами этого направления стали: социальный дарвинизм, выдвигающий принципы естественного отбора в качестве определяющих факторов общественного развития; расово-антропологическая школа, заявляющая о решающем воздействии расовых различий на историю и культуру отдельных народов и общества в целом; фрейдизм – течение, апеллирующее в объяснении поведения прежде всего к половому инстинкту и инстинкту самосохранения; мальтузианство [1]. Словарь гендерных терминов в первую очередь обращает внимание на то, что биодетерминизм придает биологическому полу привилегированную значимость. В рамках этого течения именно биологический пол не просто определяет человека как женщину или мужчину, но и формирует ее/его гендерный образ. Биологические различия между полами рассматриваются как универсальная основа, которая имеет свое культурное продолжение в виде гендерных ролей в каждом обществе [2]. Здесь стоит обратиться к принципиальному отличию между понятиями «пол» и «гендер».

Категория *gender* была введена в понятийный аппарат науки в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого века для описания социальных, культурных, психологических аспектов «женского» в сравнении с «мужским», и эта категория была названа английским словом *gender*, чтобы избежать контаминации с понятием биологического пола *sex*. Под полом стали понимать естественно присущие женщине и мужчине различия, а гендер определялся как способ существования пола, совокупность социальных и культурных представлений о нем. Первоначальные работы в данной области возникли на Западе, и первые системные описания мужских и женских особенностей речи и языка были сделаны на базе языков германской и романской языковых групп. Отечественные исследователи заимствовали термин «гендер», хотя иногда встречается его синоним «социальный пол». Тем самым, с одной стороны, гендер относят к мыслительным конструктам или моделям, разработанным с целью более четкого научного описания проблем пола и разграничения его биологических и социокультурных функций. С другой стороны, гендер рассматривается как конструкт социальный, создаваемый обществом, в том числе и посредством языка [3, с. 17–18].

На этом этапе изложения наших взглядов на гендерные исследования и феминистскую лингвистику необходимо отметить, что при широком подходе к предмету разговора становится не столь важно, какой термин мы используем – «пол» или «гендер», если речь идет о якобы мужских или женских речевых особенностях, ведь в итоге все гендерные лингвистические исследования так или иначе сводятся к выявлению речевых особенностей женщин или мужчин. Безусловно, термин «гендер» является важным и смыслоразличительным в ряде гуманитарных наук: социологии, психологии, антропологии, но для лингвистики такое его понимание – это, скорее, дань междисциплинарному подходу к проблеме и выработанному понятийному аппарату. Из уважения к научному дискурсу и желая оставаться в его рамках в этой статье мы будем использовать термин «гендер», как это принято в подобного рода исследованиях. Заострять внимание на этом термине кажется более уместным, если речь идет об ЛГБТ-лингвистике или квир-лингвистике, где, действительно,

терминов «женщина» и «мужчина» становится недостаточно. В данной статье мы не будем рассматривать эти направления лингвистических исследований, не отрицая при этом их важности и актуальности.

Методология и источники. В исследовании мы опираемся на труды, посвященные гендерной и феминистской лингвистике таких авторов, как А. В. Кирилина [3], Н. А. Антропова [4], Е. Здравомыслова [5], А. М. Кузнецов [6], А. В. Толстокорова [7]. Также обращаемся к научным трудам, посвященным феминистским исследованиям в социологическом и социолингвистическом аспектах Л. Н. Казнина [8], Р. Лакофф [9], М. Фуко [10].

Работа выполнялась с применением общенаучных исследовательских методов, таких как анализ, обобщение и систематизация теоретической информации, анализ фактического материала. Также использовался метод опроса респондентов.

Отдельно необходимо отметить работы Е. Горшко [11] и О. А. Ворониной [12]. Их исследования представляются наиболее полными, актуальными и отвечающими идеологическим и научным воззрениям автора статьи.

Е. Здравомыслова и А. Темкина в предисловии к «Хрестоматии феминистских текстов» описывают общность позиций авторов, чьи тексты представлены в книге, по отношению к некоторым основным референциям [5]. Можно согласиться с двумя из этих референций и отметить, что настоящая статья относится к постлиберальному феминистскому дискурсу (утверждение равенства и безразличие мужского и женского субъектов, признание того, что политика либерального феминизма во многом улучшила положение женщин в мире, но ни в коем случае не подорвала основы гендерного устройства в обществе), а также, что дискурс статьи можно назвать постбобуарным, что отсылает нас к классической работе Симоны де Бовуар «Второй пол» (восприятие женского как иного; инакость женщины сводится к ее вторичности; женщина – объект, а не субъект; критика властного порядка, ориентированная на его изменение) [13].

Результаты и обсуждение. Как уже было указано, гендерная лингвистика за последние десятилетия оформилась в молодое, но самостоятельное направление. Подробно ознакомиться с историей становления этого направления, его основными этапами, учеными основоположниками и основоположницами можно в работах А. В. Кирилиной [3, 14], А. М. Кузнецова [6], О. А. Ворониной [12], М. В. Ласковой [15].

В качестве первых попыток к осмыслению взаимосвязи языка и понятия пола можно, разумеется, упомянуть античную языковую традицию, в которой формируется понятие грамматического рода. Однако следует отметить, что практически все исследователи сходятся в том, что интерес к гендерному фактору в языке зародился в недрах социолингвистики, и что гендерная лингвистика была в том числе впервые обозначена в работе Отто Эсперсена «Язык: его суть, происхождение и развитие» [16]. В ней автор посвящает целую главу вопросам языка и пола и описывает примеры из экзотических языков, показывающие, что в некоторых племенах женщинам категорически запрещалось использовать «мужские» речевые средства, и наоборот. Или же мужчинам разрешалось употреблять одни суффиксы, женщинам – другие и т. д. Работа Эсперсена относится к 1922 г., времени, когда формировалась гипотеза лингвистической относительности, разрабатываемая американскими антропологами и лингвистами Францем Боасом, Эдвардом Сепиром и Бенджамином Уорфом, которая в своей мягкой версии объясняет манеру функционирования

нашего мышления в зависимости от влияния языка, его лингвистических категорий (но также и некоторых других видов неязыкового поведения). Впрочем, уже в начале XX в. Ф. Маутнер изучал мужское и женское речевое поведение в различных социальных группах и соотносил гендерную вариативность в языке с социальными факторами [17]. Благодаря и упомянутому ученому 20-е гг. прошлого века принято считать расцветом американской антропологии: проводятся масштабные полевые исследования, в том числе и в русле гендерной лингвистики, и уже на принципиально междисциплинарной основе. Во второй половине XX в. наука все больше фокусируется на человеке. Происходит некий подготовительный, переходный период, и в 60-е гг. гендерное языкознание окончательно складывается под влиянием развивающейся социолингвистики, под воздействием формирующейся постмодернистской теории познания и, разумеется, в связи с подъемом феминистского движения. С 60-х по 90-е гг. выходит ряд определяющих для гендерной лингвистики работ М. Фуко [10], У. Лабова [18], М. Мид [19], Д. Таннен [20], Е. Гоффмана [21].

В современной науке выделяют три магистральных подхода к гендерным лингвистическим исследованиям: трактовка исключительно социальной природы языка женщин и мужчин, выявление тех *языковых различий, которые можно объяснить особенностями перераспределения социальной власти в обществе*; социопсихолингвистический подход, подразумевающий построение психолингвистических теорий *мужского и женского типов речевого поведения*; когнитивный аспект *различий в языковом поведении полов*, создание целостных лингвистических моделей когнитивных оснований языковых категорий [22]. В этой связи автору статьи представляется оправданным выступить с некоторой критикой гендерного языкознания, отметить очевидную неактуальность и продолжающееся однообразие исследований, а также недостаточность их реальной ценности для лингвистики и, более того, их возможную вредность для науки и социальной ситуации в целом.

Лингвистка А. В. Кирилина приводит довольно подробный обзор работ 1990-х гг., выполненных в ключе гендерной лингвистики. Приведем несколько примеров: «Употребление ненормативной лексики с позиции гендера», «Исследование особенностей преформации у мужчин и женщин», «Антропоцентричность семантики названий животных в связи с их полом», «Особенности отражения понятий “мужественность” и “женственность”», «Общение между мужчинами и женщинами в семье», «Тезаурус любовных романов», «Гендерные особенности речи депутатов» [3]. Из года в год эти исследования посвящаются закреплению сложившихся в языковой картине мира патриархальных устоев, языковых ущемлений женщин, гендерной асимметрии языковых номинаций. Все эти гендерные штудии продуцируют примерно одинаковые и не меняющиеся уже несколько десятилетий выводы. Так, О. Есперсен в своей работе пишет, что язык женщин примитивнее языка мужчин (основываясь на том, что женщины предпочитают эллиптические конструкции и паратаксис, тогда как в речи мужчин чаще встречаются периоды и гипотаксис), а также что женщины более склонны к эвфемизмам и менее – к ругательствам и чаще остаются монолингвальными, а мужчины быстрее усваивают новый язык [16]. Работа Робин Лакофф «Язык и место женщины» описывает андроцентричную природу языка и отмечает, что для мужской речи характерны императивы, а для женщин ограничители (*I guess, sort of, kind of*), сверхвежливые формы, расчлененные вопросы, говорение метафорами, пустые прилагательные, гиперкорректная грамматика и произношения, недостаток чувства юмора, прямое

цитирование, особый лексикон, вопросительная интонация в декларативных контекстах, к типично женским тактикам речевого поведения она относит также уступчивость, кооперативность [9]. Д. Хомбергер отмечает, что женщины часто прибегают к уменьшительным суффиксам; для женщин типичны косвенные речевые акты; в их речи больше форм вежливости и смягчения, утверждения в форме вопросов, иллюкуция неуверенности при отсутствии самой неуверенности, в речевом поведении отсутствует доминантность, они умеют лучше слушать и сосредоточиться на проблемах собеседника; в целом речевое поведение женщин характеризуется как более гуманное [23]. М. Кей называет женский язык языком оправданий, а язык мужчин языком объяснений [24]. Хотя самым главным (и на самом деле единственным) выводом всех исследований речевых и языковых особенностей женщин и мужчин является вывод о воспроизведении речевых шаблонов под влиянием социокультурных норм, в которых воспитываются дети, под влиянием окружения и из-за существующих в обществе закрепленных паттернов и моделей женского и мужского поведения. Тем самым гендерные исследования речевых и языковых особенностей женщин и мужчин лишь «добавляют масла в огонь», создавая доказательную базу с примерами, подтверждающими эти различия, заставляя вращаться по кругу стереотипное восприятие языковых ролей и языкового поведения женщин и мужчин в обществе.

Так ли необходимо продолжать дескриптивные исследования речевых особенностей женщин и мужчин? Не актуальнее ли сконцентрироваться на феминистских вопросах языка, представляющихся, как будет показано далее, важными и своевременными? Весьма точно современная ситуация характеризуется цитатой Ричарда Докинза, известного атеиста и популяризатора науки, из его книги «Бог как иллюзия»: «...некоторые женщины-богословы – сторонницы феминизма, пытаюсь побороть историческую несправедливость, объявляют бога женщиной. Но, в конце концов, какая разница между несуществующим лицом женского или мужского пола? Возможно, однако, что в странной сфере переплетения богословия и феминизма реальность объекта становится менее существенной, чем его пол» [25]. Так и в отношении лингвистики, в частности гендерного языкознания, хочется задать подобным вопросом: в конце концов, какая разница, какие отличительные черты можно найти в речевом поведении у двух социальных конструктов? Язык изначально един, как едино сознание, и даже без обращения к структуралистским подходам в рассмотрении языка сложно представить, что язык вообще можно разделять на чей-то и чей-то. В гендерных языковедческих исследованиях мы видим очередной пример междисциплинарного слияния во имя самой лишь междисциплинарности. Возможно, для социологов и антропологов наборы языковых клише, приписываемых тому или иному гендеру, представляются важным звеном в цепи общегуманитарных исследований, но для лингвистики в исследованиях такого толка нет никакой пользы. Сложно представить, для чего могут послужить результаты гендерных штудий, кроме как для изготовления очередной главы в научно-популярном сборнике, названном в духе «язык – зеркало культуры». Единственным адекватным аргументом в пользу различий между женской и мужской речью является лишь факт, что женская гортань в среднем меньше, чем мужская, а голосовые связки короче, поэтому основная частота голоса у женщин выше, чем у мужчин, но даже это относится не к самому языку, а к просодике.

Интересно, что внутри самого направления между учеными нет единения по вопросам гендерных исследований, а главное – нет четкого разделения на гендерную и феминистскую лингвистику. Так, в статье Д. О. Добровольского и А. В. Кирилиной «Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности» [26] предлагается критический разбор трудов зарубежных авторов в рамках рефлексии о методологических основах формирующейся новой науки (гендерной лингвистики), ее понятийном аппарате и методах исследования. Приведем цитату из этой статьи: «*Так, паремию для милого дружка и сережку из ушка К. Тафель относит к семантической группе “Внешность, физическая привлекательность”* [27, с. 172]. *Еще большее недоумение вызывает толкование этой поговорки: “Ценность, приписываемая серьге, отражает классический стереотип важности для женщины физической привлекательности и ее интеллектуальных предпочтений: женщины интересуются только своей внешностью и такими материальными вещами, как украшения и деньги”* [там же]. *На самом деле смысл поговорки, как показал нам опрос 84 носителей русского языка обоего пола, означает готовность к самопожертвованию. Примеры подобного рода толкований можно продолжить*». Недоумение вызывает и попытка авторов обоих исследований всерьез использовать фразеологический материал для выведения неких общих черт для положения женщины и мужчины в российском обществе (или, скорее, русскоязычном обществе). В данном случае мы склонны согласиться с критикой работы К. Тафель (выборкой послужили 40 русских паремий, на их основе делаются выводы об ущемлении прав женщины в российском обществе, которое обнаруживает все признаки патриархата), но не можем принять утверждений Д. О. Добровольского и А. В. Кирилиной.

Нами был проведен дополнительный опрос 59 носителей русского языка обоего пола на предмет толкования паремии «для милого дружка и сережку из ушка». Большинство респондентов и респонденток интерпретировали ее как метафору **щедрости** (33 объяснения паремии словосочетаниями: *ничего не жалко, ничего не жаль, ничего не пожалею, отдам самое дорогое*). Другими толкованиями были: **магическая** метафора (три объяснения паремии как совершение какого-то ритуала, обряда с дарением серьги или отдаванием ее, отказом от девичества и вступлением в замужнюю жизнь), **казаческая** метафора (три объяснения паремии казаческой традицией носить серьгу в левом ухе, если казак единственный сын у родителей, а в правом, если он является последним мужчиной в роду, и что вынуть серьгу из уха – это некий символ отказаться от семьи и пойти на войну, например, вместо своего товарища), **политическая** метафора (одно объяснение паремии как одаривание сокровищами из казны приближенных к властителю), метафора **угодничества** своему партнеру (три объяснения паремии как готовность пойти на уступки ради любимого, на изменения во внешности или внешнем виде). Однако последнее выделение по принципу угодничества можно было бы отнести и к метафоре **жертвенности/самопожертвования**, которая также встретилась в 16 интерпретациях паремии (выражена словосочетаниями: *отдать все, пожертвовать всем, отдать последнее, отдать последнюю рубашку, пожертвовать*). Также разделились мнения респондентов(ок) по поводу того, от чьего имени произносится эта поговорка: от имени **мужчины** (три объяснения через указание на то, что это казаческая поговорка, и через словосочетание *на все готов*), от имени **женщины** (16 объяснений паремии через слова и словосочетания: *любимому, для любимого*

го, готова одарить, возлюбленному, ради него, и через конкретные указания: со стороны женщины – мужчине, которого любит, девушка отдаст все за парня), **без указания от чьего имени** (40 объяснений паремии через нейтральные лексемы и словосочетания: для друга ничего не жалко, для своих, для близкого человека, для любимого человека). Однако именно этот пункт не столь очевиден для трактования, ведь респондентки(ы) могли подразумевать, например, отношения не в гетеросексуальной паре, а в гомосексуальной, тогда словосочетание «для любимого» могло бы означать обращение и от женского, и от мужского лица. Отдельного уточняющего вопроса по этому пункту не было. Приводим его результаты, скорее, для демонстрации языкового разнообразия в интерпретации паремии. 17 объяснений касались того, что эта паремия **про дружеские отношения** (другу, товарищу, хорошему другу, боевому товарищу), 15 объясняли эту паремию в рамках **романтических отношений** (любимому, любимый, возлюбленному, ради любви), 12 **не указывали на характер взаимоотношений** (дорогой человек, близкий человек, для другого человека, для своих, близкому, милому другу). Также мы обратили внимание на использование предлогов «для» и «ради» в ответах респондентов(ок). Предлог **ради** был использован 12 раз, а предлог **для** 28 раз, что говорит о том, что данная паремия воспринимается лишь меньшинством как некая жертва (срав.: я сделала это для тебя – я сделала это ради тебя). Анализируя полученные данные, а также выводы К. Тафель, Д. О. Добровольского и А. В. Кирилиной, можно прийти к утверждению, что закреплённые в какой-то исторический момент формы в языке не могут считаться показательными для описания актуальной ситуации, а также к подтверждению неправомерности интерпретации паремий как объективных показателей характерных черт женщин или мужчин, свойственных всем представительницам(ям) той или иной культуры.

Другой опрос был проведен в целях опровержения довольно сомнительного пассажа в статье А. М. Кузнецова «Феминизм и лингвистика: гендерные аспекты языка» [6], где, не давая ссылки на какие-либо конкретные исследования, лингвист утверждает, что в «русском языке есть специфические “женские выражения” (междометия, выражающие эмоции, эмоционально-оценочные слова типа *прелестный*, фразеологизмы типа *с ума сойти*) и специфические мужские (например, фразеологизмы *дать прикурить*, *будь здоров*, *дело дрянь*, *это вещь!*)». Двумя предложениями ранее ученый упоминал об исследованиях 1960–1970-х гг. (сама статья относится к 2005 г.), что вводит в некое замешательство и вызывает вопрос: идет речь о языковых особенностях прошлого века или этого?

Мы опросили 375 носителей русского языка обоих полов на предмет атрибуции того или иного выражения женщине или мужчине. Респондентам предлагалось отметить, какие утверждения они считают верными. Приводим список утверждений и количество отметок этих утверждений как верных:

«Использование выражения “с ума сойти” свойственно женщинам» – **143**.

«Использование выражения “с ума сойти” свойственно мужчинам» – **0**.

«Использование выражения “с ума сойти” свойственно всем носителям языка» – **231**.

«Использование выражения “дело дрянь” свойственно женщинам» – **5**.

«Использование выражения “дело дрянь” свойственно мужчинам» – **134**.

«Использование выражения “дело дрянь” свойственно всем носителям языка» – **222**.

Можно увидеть, что большинство респондентов(ок) не стали соотносить эти выражения с мужскими или женскими речевыми особенностями, а отметили их как свойственные

всем носителям(ьницам) языка. Это лишний раз доказывает, что гендерные исследования лишаются своей актуальности в современной повестке «язык и пол». Однако не станем отрицать, что процент тех, кто все-таки отнес выражение «с ума сойти» к женскому полу и «дело дрянью» к мужскому, довольно велик – 36–38 % и в том и в другом случае. Это указывает как раз на то, что многие пока еще являются заложниками(цами) «круговорота» предписаний того, как должны говорить лица женского и мужского пола, и продолжают следовать стереотипным характеристикам языка женщин и мужчин.

К. Уэст и Д. Зиммерман еще во второй половине XX в. отмечали, что феминность и маскулинность являются и процессом, и результатом постоянных повторений культурных практик, типичных для той или иной гендерной идентичности: жестикуляции, форм артикуляции, моды, походки, общественных норм поведения [12], а также речевого поведения. То есть то, что мы видим в языке, в контексте исследования гендерных речевых особенностей, есть не первопричина, а лишь результат воспроизведения навязываемых обществом установок и стереотипов. М. Мид еще в 1930-е гг. высказала идею о том, что нормативные модели феминности и маскулинности определяются, скорее, культурой, чем биологическим полом [19], и соответственно, все составляющие этой феминности или маскулинности, в том числе и язык, являются вторичными признаками, продиктованными социокультурной нормой. М. Фуко в своей работе «История сексуальности» определяет культуру как технологию власти, производящую в том числе и гендерные неравенства. Ученый отмечал, что биологический пол и тело находятся в сфере идеологического контроля, поскольку именно общество делит человеческие существа на мужчин и женщин (хотя биология не так однозначно бинарна), контролируя этот процесс посредством общественной морали, системы здравоохранения, законов о браке, возрасте вступления в половую жизнь, норм и законов [12].

В какой-то момент ученые так увлеклись собиранием гендерных речевых особенностей, что ввели в оборот термин «гендерлект» (по аналогии с социолектом) – постоянный набор признаков женской и мужской речи. Справедливости ради (и к нашему счастью) нужно отметить, что в последние годы исследования все убедительнее показывают, что говорить о гендерлекте неправомерно [28] и что различия в женской и мужской речи не проявляют себя облигаторно в любом речевом акте. Ряд зарубежных авторов, обобщая без преувеличения огромное количество исследований на материале европейских языков, приходят к мнению о невозможности сделать твердые выводы о неотъемлемых атрибутах мужской и женской речи [3]. Е. Маккоби и К. Джеклин обращают внимание на большую неясность и высокую степень противоречивости полученных результатов гендерных исследований [29]. С. Хиршауер показал, что весьма распространены ситуации и контексты, когда пол нерелевантен для общения, и предложил учитывать фактор «гендерной нейтральности» для ситуаций, где пол коммуникантов незначим [30].

Единственной заслугой гендерного языкознания можно назвать то, что оно стало неким катализатором для возникновения и развития феминистской лингвистики, которой было недостаточно заниматься дескрипцией языковых отличий, а нужно было шагнуть дальше, в область прикладного применения знаний о языке в условиях тотального неравенства полов и притеснения прав меньшинств.

Феминистская лингвистика зарождается в 60–70-е гг. прошлого века как одно из направлений гендерного языкознания. Ее возникновение связано с множеством факторов:

смена научной парадигмы и переход от структурализма к функционализму, развитие концепций постмодернизма, рассматривающего язык как формирующую основу окружающей нас реальности. Безусловно решающую роль в становлении феминистской лингвистики сыграл феминизм, который выступил в роли альтернативной философской концепции социокультурного развития [8]. Поскольку феминизм считается частью постмодернистской философии, его связь с языком вполне очевидна: наряду с представительницами(ями) феминистской лингвистики на гендерную асимметричность языка обращали внимание многие теоретики постмодернизма. По их мнению, язык воспроизводит картину мира с мужских позиций, а значит, он не только антропоцентричен, т. е. ориентирован на человека, но и андроцентричен, т. е. ориентирован на мужчину. Женский взгляд на мир при этом признается другим, отличным от нормы (т. е. от мужского взгляда), или игнорируется вовсе, что не могло не вызвать возмущения у феминистов(ок).

Все направления постмодернистской мысли признают языковую концепцию реальности, видя в том, что мы воспринимаем как реальность, социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами лингвистической системы. Мир, утверждают они, познаваем только через языковые формы, следовательно, наши представления о нем не могут отразить реальность, которая существует за пределами языка. Эти представления могут быть соотнесены только с другими языковыми выражениями [31].

Некоторые ученые отмечают политическую ангажированность тех, кто занимается вопросами феминистской лингвистики [8], [26], но можно ли согласиться, что это стоит рассматривать в негативном ключе? Подобная ангажированность представляется преимуществом, потому что именно она заставляет ученых и активистов(ок) искать максимально практическое применение результатам проведенных исследований, а также предлагает рассматривать язык не как пассивный регистратор устоявшихся общественных стереотипов, а как активный инструмент борьбы с этими стереотипами. Какой практический смысл в бесконечном описании так называемых речевых особенностей женщин и мужчин? В теоретическом смысле такие исследования тоже вряд ли принесут много нового по перечисленным выше причинам.

Критика феминистской лингвистики в России также связана с недоверием к феминизму в целом и настороженным отношением к применению любой идеологии в науке, основываясь на печальном опыте идеологии советской эпохи и ее негативном отпечатке на некоторых научных направлениях в XX в. Интересной кажется и другая трактовка советской идеологии как аргумента в пользу существующей откровенной враждебности по отношению к феминизму и феминистским исследованиям в России. Речь о том, что в советские годы ввиду социалистической и коммунистической идеологий у женщин были права, и вопросы феминизма не стояли остро, чего не скажешь о Европе. Для сравнения перечислим некоторые страны и годы принятия в этих странах законов, позволяющих женщинам иметь избирательное право: Новая Зеландия – 1893 г., Финляндия – 1906 г., Норвегия – 1907 г., Дания – 1915 г., Россия – 1917 г., Германия – 1918 г., Нидерланды – 1919 г., Швеция – 1921 г., Испания – 1931 г. (но во время режима Франко это право было утеряно с 1936 г. по 1976 г.), Франция – 1944 г., Италия – 1944 г., Китай – 1947 г., Южная Корея – 1948 г., Швейцария – 1971 г., Саудовская Аравия – 2011 г. (де-юре – 2011 г., де-факто – 2015 г.) [32]. Также само по себе феминистское движение в России не столь сильно, как, например, в Германии, Швеции,

Франции и т. д.; соответственно, прежде повестка подобных исследований вовсе не ставилась. Как показал М. Фуко [10], дискурсивные практики, связанные с тематизацией пола, имеют в западноевропейской культуре давнюю традицию, и пол в ней относится к числу важнейших экзистенциальных параметров личности.

Основным направлением исследований в феминистской лингвистике, а также основным направлением феминистского лингвистического активизма является выявление гендерных асимметрий в системе языка, направленных против женщин, и предложение разных способов нивелирования патриархальных по своей сути стереотипов, зафиксированных в языке и навязывающих его носительницам(ям) мужскую картину мира. Другими словами, в основе феминистской лингвистики лежит феминистская критика языка (неслучайно эти два понятия иногда рассматриваются как тождественные), главная цель которой – выявление и устранение гендерных асимметрий в языке как проявлений женской дискриминации [4].

В противовес гендерным исследованиям речевых особенностей и традиционной фразеологии феминистская лингвистика обращает внимание непосредственно на сам язык, на его лексические, грамматические и синтаксические особенности, выявляет современные устойчивые сочетания слов, клише (вне зависимости от того, свойственно так говорить женщинам или мужчинам), свидетельствующие о наличии сексизма в языке (например: *Мужчины – это сильный пол. – It's a man's world (это мир мужчин).*) [33].

Феминистская лингвистика выделяет следующие черты языковой андроцентричности (под андроцентричностью или андроцентризмом (или в категорических заявлениях – фаллоцентричностью) языка понимают наличие в нем гендерной асимметрии в пользу мужчин): отождествление понятий «человек» и «мужчина» во многих языках; производность имен женского рода от мужских; применение имен мужского рода к референту-женщине осознается как допустимое и повышает ее статус, наоборот, номинация мужчины формой женского рода несет негативную оценку; механизм включенности и превращения мужского рода в средний/общий род; синтаксическое (не смысловое) согласование [6]. Начиная с 1980-х гг. было проведено множество исследований, подтверждающих наличие сексизма в языке на материале более чем 30 языков мира. Но несмотря на практически повсеместное превалирование патриархального устоя жизни и наличие андроцентричности во многих языках, степень ее варьируется в зависимости от социокультурного и политического контекстов той или иной страны.

В феминистской лингвистике выработались две основные стратегии устранения андроцентризма в языке: гендерная нейтрализация (т. е. создание/использование гендерно нейтральных слов) и гендерная спецификация (т. е. создание/использование феминитивов в ситуациях, когда речь идет о женщинах, вместо употребления для них наименований в мужском роде), ведь при гендерной асимметрии языка существительные и местоимения мужского рода часто используются как общие, гендерно нейтральные, хотя исследования доказывают, что такими они воспринимаются не всегда.

Реализовать эти стратегии возможно при помощи языковых реформ или языкового планирования (языковая реформа — это некое точечное изменение в языке, принятие конкретной реформы; языковое планирование или языковое строительство – это, скорее, ряд мер, необязательно на уровне законодательства, некая стратегия реализации общего вектора языковой политики, в данном случае феминистской языковой политики).

Как правило, языковые реформы действуют в двух направлениях: либо в сторону упрощения языка, либо в сторону языкового пуризма (языкового протекционизма), в первом случае язык что-то теряет, а во втором сохраняет и «охраняет», чтобы не потерять. Основными принципами феминистской языковой реформы являются обогащение языка и увеличение его разносторонности.

Что касается языкового планирования, то его принято разделять на три типа:

– статусное планирование занимается установлением, распределением или перераспределением статуса языка/языков/диалекта/диалектов между функциональными областями внутри общества [34];

– корпусное планирование относится к предписывающему вмешательству в форму языка. В отличие от статусного планирования, которым в основном занимаются управленцы и политики, корпусное планирование, как правило, является прерогативой лингвистов и академиков. Существует три традиционно признанных типа планирования корпуса: графизация, стандартизация и модернизация [35];

– планирование освоения языка, связанное с составлением и выпуском учебников, учебных пособий, словарей, разработкой принципов многоязычного обучения в школах, двуязычных программ обучения [36].

Очевидно, что феминистское языковое планирование относится ко второму типу и представляет собой прескриптивный подход к языку, т. е. это попытка установить правила, определяющие предпочтительное или правильное использование в языке. Примеров стран, в которых такое планирование было бы введено централизованно, катастрофически мало. Пожалуй, только Швецию можно привести в качестве примера страны, где достижение гендерного равенства является одной из важнейших государственных задач, реализуемой через разнообразные сферы человеческого взаимодействия, в том числе и через язык. Эта страна близка к достижению гендерного паритета благодаря равным услугам в области здравоохранения, образования, возможностей трудоустройства и щедрой политике отпусков по уходу за ребенком. Швеция практически полностью сократила разрыв в оплате труда мужчин и женщин (женщины получают 88 % от заработной платы мужчин) [37] и в общем рейтинговом списке стран по гендерному разрыву занимает 4-е место среди 153 стран, показывая результаты выше среднего в паритете своих граждан(ок) в политической сфере, сфере образования, экономике и здравоохранении (для сравнения: Российская Федерация занимает 81-е место) [38].

В других странах языковой феминистский активизм носил и продолжает носить, скорее, спорадический характер. Начиная с середины 1970-х гг. различные организации Британии стали издавать собственные руководства по корпоративным правилам лингвистической этики, а в 1977 г. Комиссия равных возможностей издала руководство по правилам рекламирования рабочих мест, разработанное на основании «Акта о дискриминации по признаку пола», принятого в 1975 г. В конце 1970-х гг. федеральное правительство Канады издало ряд документов, направленных на гендерную демократизацию обоих официальных языков страны (английского и французского). В 1984 г. федеральное правительство Австралии приняло специальный акт, направленный на устранение сексистских штампов в языке государственных документов. В Бельгии в 1987 г. был принят закон, запрещающий указание пола требуемых работников в официальных объявлениях о трудоустройстве,

а в 1994 г. было издано первое руководство по употреблению несексистского языка. 1990 г. отмечен принятием Комитетом министров Совета Европы «Рекомендаций об устранении сексизма из языка». В 1994 г. в Италии был издан «Гендерный словарь итальянского языка», а в новое издание «Словаря итальянского языка» в 1995 г. были включены женские формы названий для традиционно мужских профессий. Такие же процессы наблюдались в те же годы и в ряде других стран: Швеция, Испания, Китай, Япония, Греция, Россия, Украина, Литва. Во Франции в 1984 г. на основании правительственного декрета была создана комиссия по феминизации названий профессий [7].

В Германии уже в 1980 г. обнародован документ «Директивы по избеганию сексистского употребления языка», а в 1993 г. немецким отделением ЮНЕСКО были изданы профеминистские рекомендации «Язык для обоих полов: директивы для несексистского употребления языка», в этом же году по поручению магистрата Франкфурта-на-Майне публикуется «Справочник по несексистскому употреблению языка в официальных текстах» [4].

Швейцарию также отмечают как стремящуюся к гендерному равенству в языке, но ситуация осложняется тем, что в стране четыре государственных языка. *Bulletin Suisse de Linguistique Appliquée* (Швейцарский бюллетень прикладной лингвистики) обратился к этому вопросу в 2000 г. в специальном выпуске, посвященном феминизации языка. В бюллетене была предпринята попытка критики языка этой страны путем создания составного образа всех языков в Швейцарии и того, как они взаимодействуют с полом [39].

В России на официальном уровне изменения, касающиеся феминистского языка, происходили последний раз в 1917 г., когда в языке появилось и закрепилось множество новых феминитивов: *активистка, революционерка, нэпманка, милиционерка, укладчица, грузчица, вагонищица, контролерша, физкультурница, спортсменка, атлетка, штангистка, шахматистка*. Сегодняшние обсуждения по поводу введения новых феминитивов или проведения каких-либо феминистских языковых реформ остаются уделом маргинальных обсуждений, провокационных выпусков блогеров и интервью с авторитетными лингвист(к)ами по этому поводу.

Несмотря на косность политических систем и их сопротивление феминистским преобразованиям в языке, в широкой общественности вопросы языка и, в частности феминистского языка, являются актуальными. Это может быть доказано тем, что в 2020 г. Ассоциация немецкого языка объявила *Gendersternchen* одним из 10 немецких слов года (речь о знаке *, используемом для образования гендерно нейтральных слов, например, *Alex ist ein*e Künstler*in* (Алекс – художник*ца)). В 2005 г. словом года стало *Bundeskanzlerin* (форма женского рода для обозначения женщины-канцлера, вследствие того, что Ангела Меркель стала первой женщиной, занявшей пост канцлера Германии). В США в 2015 г. словом года стало *they* (гендерно нейтральное местоимение единственного числа 3-го лица). В 2017 г. словарь Вэбстера назвал словом года *феминизм*, а в 2019 г. – уже упомянутое местоимение *they*.

Феминистская языковая активность разделяется и направлена на письменную и устную гипотетические нормы. Представляется, что прорабатывать устную и письменную нормы необходимо параллельно, как взаимодополняющие друг друга элементы. Ответить на вопрос о том, какую норму легче пролоббировать, довольно сложно. Впрочем, очевидным преимуществом письма перед устной речью является возможность использования

графических приемов, невозможных при произнесении слов. Существует несколько графических способов инклюзивного написания слова, например, круглые скобки: *un(e) ami(e)* (друг, подруга), *les travailleur(euse)s* (работник, работница); или косая черта *un/e ami/e*, *les travailleur/euse/s*, *un-e ami-e*, *les travailleurs-euses*; или уже упомянутый знак * в немецком языке. Официально такие формы письма еще нигде не зафиксированы, однако уже встречаются в текстах некоторых СМИ.

Инклюзивное письмо, равно как и использование феминитивов или гендерно нейтральных слов, помогает побороть так называемую женскую невидимость в языке. Повсеместное использование номинаций в мужском роде в случаях, когда обозначается смешанная группа (*преподаватели, учителя, художники*) или даже для номинации лица женского рода (*депутат, автор, дизайнер, мэр*), делает женщин невидимыми, непредставленными в языке, что скрывает их важность и значимость, например в различных профессиональных сферах, отвлекает внимание от самого факта их существования, ведь практически вся современная гендерная номенклатура отражает гендерную предвзятость. Существуют убедительные психолингвистические доказательства того, что при восприятии предложений, в которых используются лексемы в мужском роде, чаще думается о мужчинах, чем о женщинах (например: *when a student comes into the room, he should pick up a handout* (когда студент заходит в класс, он должен взять раздаточный материал); *mankind's great achievements* (великие достижения человечества); *это врач третьей категории, заслуженный учитель*). Это дает феминист(к)ам веские основания возражать против использования слов в мужском роде в качестве гендерно нейтральных или общих [40]. В *Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов* нет практически ни одной профессии в женском роде (за исключением таких, как няня или медицинская сестра) [41].

Стремление быть услышанными, увиденными и представленными в языке при помощи «собственного» слова в женском роде дает очередной повод для критики современных феминистов и феминисток. Им вменяется в вину, что они ушли в противоположную сторону от изначальных принципов феминизма, которые подчеркивали стремление к всеобщему равенству и единению, зиждились на том, что женщины хотели быть как мужчины. Теперь же женщины не хотят быть как мужчины, а хотят быть как женщины. Правомерность подобных заявлений спорна, ведь основной идеологией феминизма было и есть не желание женщины стать мужчиной, а стремление оказаться с ним наравне в социальном, экономическом и политическом плане.

Пока гендерные лингвистки(ы) пытаются охарактеризовать вторичное – речевые особенности, навязанные социумом и воспроизводимые его представительницами(ями), феминистские лингвистки(ы) обращают внимание на первичное – на саму систему языка, на необходимость деконструкции андроцентризма в языке, добиваются комфортной и благоприятной языковой среды для женщин, предлагают различные пути решения оскорбительной гендерной асимметрии языка. С одной стороны, для пафоса феминистского дискурса хотелось бы говорить о необходимости глобальных изменений в языке, чтобы оправдать столь сильное сопротивление в лице не только идеологически ангажированных патриархалов, но и обычных носителей и носительниц языка. Но приходится отметить, что речь идет, по сути, о совсем небольших изменениях с точки зрения самого языка, его

структуры, лексических и грамматических особенностей. В Большом академическом словаре русского языка насчитывается около 150 000 слов (и это только литературная норма), а в лингвистической феминистской повестке речь идет лишь о десятках слов и единицах грамматических добавлений, которые разнообразили бы язык и при этом улучшили бы жизнь половины населения планеты весьма качественно.

В современном лексиконе русского языка мы сталкиваемся с повсеместным использованием англицизмов – *лайкать, юзать, постить, зачекиниться, рандомно, по фасту, го*, не говоря уже о совершенно особом сленге тех, кто играет в компьютерные игры. Удивительно, но такие языковые формы не вызывают возмущения у большинства носителей и носительниц языка, как это происходит в случае с феминитивами. Это приводит к мысли о том, что, прикрываясь аргументами вроде «не надо портить язык», люди заявляют: «Мы не поступимся своими идеологическими позициями».

Заключение. Переоценить значимость феминистской лингвистики, как и всего феминистского движения в целом, вряд ли возможно, особенно в контексте российской действительности. Еще два года назад в отечественных СМИ (от консервативных до прогрессивных) вопросы о феминизме не считались достойной или важной темой, проблемы домашнего насилия не казались заслуживающими внимания широкой публики. Сегодня мы видим все больше примеров того, что вопросы о положении женщин в обществе не являются табуированной темой, хотя они все еще и находятся на стадии завоевывания своего места в политической и идеологической повестке. Например, громкое дело сестер Хачатурян заставило многих осознать необходимость принятия закона о домашнем насилии (который до сих пор у нас не принят). Несмотря на возрастающую (пусть и медленно) гражданскую осознанность, со стороны правящей элиты отклика пока не наблюдается. Недавно принятые поправки в Конституцию пропагандируют традиционные семейные ценности как единственно верные, что подразумевает создание препятствий на пути к свободному выбору женщины от развода до аборта. Показательным является дело активистки, художницы Юлии Цветковой, осужденной по статье за распространение порнографии и гей-пропаганды за изображение обнаженного женского тела, но получившей у широкой общественности поддержку: за Юлию вступились такие видные общественные деятели культуры, как Людмила Петрушевская, Владимир Познер, Рената Литвинова, Ксения Собчак, Максим Матвеев, Евгений Стычкин [42]. 16 апреля 2020 г. Юлия получила международную награду «Index on Censorship» в номинации «Искусство», став второй награжденной россиянкой после Анны Политковской, а 23 ноября в ВВС опубликовали список ста самых влиятельных и вдохновляющих женщин 2020 г., включив в него и Юлию Цветкову [43]. Также в ноябре она получила премию «Женщины года–2020» журнала Glamour [44].

Феминистская лингвистика на пути реализации своих стратегий встречает множество сложностей и препятствий, связанных с общественно-политическим наследием прошлого. В противопоставлении с традиционным гендерным языкознанием феминистские лингвистические исследования приобретают в наше время особую ценность, как практическую, так и теоретическую. Интерес к изучению языка как антропоцентрического социокультурного феномена неуклонно возрастает, а феминистское движение во всем мире становится все более значимым. Все чаще феминистские тенденции становятся предметом языковой политики.

Можно ли увидеть взаимосвязь между социальной дискриминацией женщин и дискриминацией женщин в языке? Безусловно. Не станем превозносить теорию о том, что язык определяет мышление, но то, что мы мыслим категориями языка (или языков) – это неоспоримый факт, ведь как сложно бывает иногда пересказать сон, в котором мы видели что-то фантастическое, такое, для чего в языке нет слов, и как легко объяснить любую свою мысль или описать всем известный предмет или явление, прибегая к существующим и общепонятным языковым средствам.

У феминистской лингвистики и феминистской языковой политики есть активно формирующееся настоящее и, с уверенностью можно заявить, твердое, надежное будущее, которое позволит отстоять права женщин в языковой сфере, и рядом с уже написанной *history* появится *herstory*, тем более что этимологически этот корень восходит к праиндоевропейскому *wid – «знать, видеть», уже нашедшему в рамках гендерного языкознания свое особое выражение: в английском языке как «witch» и «witcher», а в русском – как «ведьма» и «ведьмак». Феминистская языковая активность обогатит современные языки новыми элементами, для объяснения которых арсенала традиционного гендерного языкознания будет недостаточно, и лингвистики(ы) обратятся к новым прогрессивным направлениям, в числе которых феминистская лингвистика займет, на наш взгляд, одно из важнейших мест.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крапивенский С. Социальная философия. 1996. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/krapiv/01.php (дата обращения: 20.01.2021).
2. Шевченко З. В. Биодетерминизм // Словарь гендерных терминов. URL: <http://a-gender.net/biodeterminizm.html> (дата обращения: 20.01.2021).
3. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
4. Антропова Н. А. К вопросу реформирования современного немецкого языка под воздействием феминистской критики языка // Филология: научные исследования. 2015. № 4. С. 292–301. DOI: 10.7256/2305-6177.2015.4.17404.
5. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. URL: http://cisr.pro/files/publ/Xrest_fem_texts.pdf (дата обращения: 20.01.2021).
6. Кузнецов А. М. Феминизм и лингвистика: гендерные аспекты языка // Человек: образ и сущность. 2005. № 1 (16). С. 165–186.
7. Толстокорова А. В. Гендерно-чувствительная реформа языка как элемент глобальной социальной политики: опыт международного женского движения // Журн. исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 1. С. 87–110.
8. Казнин Л. Н. Гендерная теория в социальном знании // Вестн. СПбГУ. 2009. Сер. 12. № 4. С. 71–77.
9. Lakoff R. Language and Woman's Place. N. Y.: Harper and Row, 1975.
10. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Магистериум; Касталь, 1996.
11. Электронный сборник научных работ Е. Горшко // Текстология.ru. URL: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=17> (дата обращения: 20.01.2021).
12. Воронина О. А. Конструирование и деконструкция гендера в современном гуманитарном знании // Вестн. Пермского ун-та. Сер. Философия. Психология. Социология. 2019. № 1. С. 5–16. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-5-16.

13. Beauvoir S. *The second sex* / Transl. by C. Borde, Sh. Malovany-Chevallier. N. Y.: Vintage books, 2010. URL: https://www.academia.edu/32540858/1949_simone_de_beauvoir_the_second_sex_pdf (дата обращения: 20.01.2021).
14. Кирилина А. В. *Гендер: лингвистические аспекты*. М.: Институт социологии РАН, 1999.
15. Ласкова М. В. *Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук / РГЭУ (РИНХ). Ростов-на-Дону, 2001.*
16. Jespersen O. *Language, its nature, development and origin*. London: Allen & Unwin, 1922.
17. Mauthner F. *Beiträge zu einer Kritik der Sprache*. Stuttgart: Cotta, 1921.
18. Labov W. *Sociolinguistic patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
19. Mead M. *Male and female: a study of sexes in a changing world*. N. Y.: William Morrow & Co, 1949.
20. Tannen D. *Gender and discourse*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
21. Goffman E. *Interaktion und Geschlecht*. Frankfurt am Main: Campus, 1994.
22. Колосова О. А. *Когнитивные основания языковых категорий: на материале современного английского языка: дис. ... д-ра филол. наук / МГУ. М., 1996.*
23. Homberger D. *Männersprache – Frauensprache: Ein Problem der Sprachkultur? // Muttersprache*. 1993. Vol. 193. P. 89–112.
24. Key M. *Male/Female Language*. Metuchen, N. Y.: The Scarecrow Press, 1975.
25. Докинз Р. *Бог как иллюзия*. М.: КоЛибри, 2008.
26. Добровольский Д. О., Кирилина А. В. *Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания*. М.: Рудомино, 2000. URL: <http://www.owl.ru/library/002t.html> (дата обращения: 20.01.2021).
27. Tafel K. *Die Frau im Spiegel der russischen Sprache*. Wiesbaden: Harassowitz, 1997.
28. Samel I. *Einführung in die feministische Sprachwissenschaft*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1995.
29. Maccoby E. E., Jacklin C. N. *The Psychology of Sex Differences*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1974.
30. Hirschauer St. *Dekonstruktion und rekonstruktion. Plädoyer für die Erforschung des Bekannten // Feministische Studien*. 1993. Vol. 2. P. 55–68.
31. Кирилина А. В. *Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты) // Общественные науки и современность*. 2000. № 4. С. 138–143.
32. *Когда женщины получили право голоса в разных странах мира // Locals*. URL: <https://locals.md/2018/kogda-zhenshhinyi-poluchili-pravo-golosa-v-raznyih-stranah-mira-karta/> (дата обращения: 20.01.2021).
33. Горшко Е. *Гендерная проблематика в языкознании*. URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (дата обращения: 20.01.2021).
34. Edwards J. *Language, Prestige, and Stigma // Contact Linguistics*. 1996. Vol. 1. P. 703–709.
35. Ferguson G. *Language Planning and Education*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
36. Liddicoat J. A., Baldauf B. R. *Language Planning in Local Contexts: Agents, Contexts and Interactions // Language Planning and Policy: Language Planning in Local Contexts*. 2008. P. 3–17. DOI: 10.21832/9781847690647-002.
37. *Gender equality in Swedeen*. URL: <https://sweden.se/society/gender-equality-in-sweden/> (дата обращения: 20.01.2021).
38. *Global gender gap report 2020 // World Economic Forum*. 2020. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (дата обращения: 20.01.2021).
39. *Реформа феминистского языка*. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Feminist_language_reform (дата обращения: 20.01.2021).
40. *Feminist Philosophy of Language // Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/feminism-language/> (дата обращения: 20.01.2021).

41. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов. URL: <http://okpdr.ru/> (дата обращения: 20.01.2021).

42. Старцева М. Порнография – арест Юлии, а не ее рисунки. В чем суть дела художницы Юлии Цветковой и почему оно важно для всех // Горизонтальная Россия. 2020. 27 июня. URL: <https://7x7-journal.ru/articles/2020/06/27/pornografiya-arest-yulii-a-ne-ee-risunki-v-chem-sut-dela-hudozhnicy-yulii-cvetkovej-i-pochemu-ono-vazhno-dlya-vseh> (дата обращения: 20.01.2021).

43. Активистка Юлия Цветкова вошла в список самых влиятельных женщин мира // Радио Свобода. 2020. 24 нояб. URL: <https://www.svoboda.org/a/30966931.html> (дата обращения: 20.01.2021).

44. Женщины 2020 // Glamour. URL: <https://www.glamour.ru/woty2020/woty2020> (дата обращения: 20.01.2021).

Информация об авторе.

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, теория языковых контактов, лингвистическая интерференция. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

REFERENCES

1. Krapivenskii, S. (1996), *Sotsial'naya filosofiya* [Social philosophy], available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/krapiv/01.php (accessed 20.01.2021).

2. Shevchenko, Z.V., "Biodeterminism", *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of gender terms], available at: <http://a-z-gender.net/biodeterminizm.html> (accessed 20.01.2021).

3. Kirilina, A.V. (2004), *Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikatsii* [Gender studies in linguistics and communication theory], Russian political encyclopedia, Moscow, RUS.

4. Antropova, N.A. (2015), "To the question of reforming the modern German language under the influence of the feminist criticism of the language", *Philology: scientific research*, no. 4, pp. 292–301. DOI: 10.7256 / 2305-6177.2015.4.17404.

5. *Khrestomatiya feministских текстов. Perevody* [Reader of feminist texts. Translations] (2000), in Zdravomyslova, E. and Temkina, A. (eds.), Dmitrii Bulanin, SPb., RUS, available at: http://civr.pro/files/publ/Xrest_fem_texts.pdf (accessed 20.01.2021).

6. Kuznetsov, A.M. (2005), "Feminism and linguistics: gender aspects of language", *Chelovek: obraz i sushchnost'* [Human: image and essence], no. 1 (16), pp. 165–186.

7. Tolstokorova, A.V. (2005), "Gender Sensitive Reform of Language as an Element of the Global Social Policy: Experience of International Woman's Movement", *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 87–110.

8. Kaznin, L.N. (2009), "Gender theory in social science", *Bulletin of St. Petersburg State University*, ser. 12, no. 4, pp. 71–77.

9. Lakoff, R. (1975), *Language and Woman's Place*, Harper and Row, N.Y, USA.

10. Foucault, M. (1996), *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality], Transl. by Tabachnikova, S., Magisterium, Castal, Moscow, RUS.

11. "Electronic collection of scientific works by E. Gorshko", *Tekstologiya.ru*, available at: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=17> (accessed 20.01.2021).

12. Voronina, O.A. (2019), "Construction and deconstruction of gender in modern humanitarian knowledge", *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 1, pp. 5–16. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-5-16.

13. Beauvoir, S. (2010), *The second sex*, Transl. by Borde, C. and Malovany-Chevallier, Sh., Vintage books, N.Y., USA, available at: https://www.academia.edu/32540858/1949_simone_de_beauvoir_the_second_sex_pdf (accessed 20.01.2021).

14. Kirilina, A.V. (1999), *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects], Institute of Sociology RAS, Moscow, RUS.

15. Laskova, M.V. (2001), "Grammatical category of gender in the aspect of gender linguistics", Abstract of Dr. Sci. (Philol.) dissertation, RSUE, Rostov-on-Don, RUS.

16. Jespersen, O. (1922), *Language, its nature, development and origin*, Allen & Unwin, London, UK.

17. Mauthner, F. (1921), *Beiträge zu einer Kritik der Sprache*, Cotta, Stuttgart, DEU.

18. Labov, W. (1972), *Sociolinguistic patterns*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA.

19. Mead, M. (1949), *Male and female: a study of sexes in a changing world*, William Morrow & Co, N.Y., USA.

20. Tannen, D. (1996), *Gender and discourse*, Oxford University Press, Oxford, UK.

21. Goffman, E. (1994), *Interaktion und Geschlecht*, Campus, Frankfurt am Main, DEU.

22. Kolosova, O.A. (1996), "Cognitive foundations of language categories: on the material of modern English", Abstract of Dr. Sci. (Philol.) dissertation, MSU, Moscow, RUS.

23. Homberger, D. (1993), "Männersprache – Frauensprache: Ein Problem der Sprachkultur?", *Muttersprache*, vol. 193, pp. 89–112.

24. Key, M. (1975), *Male/Female Language*, The Scarecrow Press, Metuchen, N.Y., USA.

25. Dawkins, R. (2008), *Bog kak illyuziya* [God as an illusion], CoLibri, Moscow, RUS.

26. Dobrovolskii, D.O. and Kirilina, A.V. (2000), "Feminist ideology in gender studies and scientific criteria", *Gender kak intriga poznaniya* [Gender as the intrigue of cognition], Rudomino, Moscow, RUS, available at: <http://www.owl.ru/library/002t.html> (accessed 20.01.2021).

27. Tafel, K. (1997), *Die Frau im Spiegel der russischen Sprache*, Harassowitz, Wiesbaden, DEU.

28. Samel, I. (1995), *Einführung in die feministische Sprachwissenschaft*, Erich Schmidt Verlag, Berlin, DEU.

29. Maccoby, E.E. and Jacklin, C.N. (1974), *The Psychology of Sex Differences*, Stanford University Press, Stanford, CA, USA.

30. Hirschauer, St. (1993), "Dekonstruktion und rekonstruktion. Plädoyer für die Erforschung des Bekannten", *Feministische Studien*, vol. 2, pp. 55–68.

31. Kirilina, A.V. (2000), "Gender studies in foreign and Russian linguistics (philosophical and methodological aspects)", *Social sciences and modernity*, no. 4, pp. 138–143.

32. "When women gained the right to vote around the world", *Locals*, available at: <https://locals.md/2018/kogda-zhenshhinyi-poluchili-pravo-golosa-v-raznyih-stranah-mira-karta/> (accessed 20.01.2021).

33. Gorshko, E., *Gendernaya problematika v yazykoznanii* [Gender issues in linguistics], available at: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (accessed 20.01.2021).

34. Edwards, J. (1996), "Language, Prestige, and Stigma", *Contact Linguistics*, vol. 1, pp. 703–709.

35. Ferguson, G. (2006), *Language Planning and Education*, Edinburgh University Press, Edinburgh.

36. Liddicoat, J.A. and Baldauf, B.R. (2008), "Language Planning in Local Contexts: Agents, Contexts and Interactions", *Language Planning and Policy: Language Planning in Local Contexts*, pp. 3–17. DOI: 10.21832/9781847690647-002.

37. *Gender equality in Sweden*, available at: <https://sweden.se/society/gender-equality-in-sweden/> (accessed 20.01.2021).

38. "Global gender gap report 2020" (2020), *World Economic Forum*, available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (accessed 20.01.2021).

39. *Reforma feministского yazyka* [Reform of the feminist language], available at: https://ru.qaz.wiki/wiki/Feminist_language_reform (accessed 20.01.2021).

40. "Feminist Philosophy of Language", *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, available at: <https://plato.stanford.edu/entries/feminism-language/> (accessed 20.01.2021).

41. *Obshcherossiiskii klassifikator professii rabochikh, dolzhnostei sluzhashchikh i tarifnykh razryadov* [All-Russian Classifier of Workers' Professions, Employee Positions and Wage Grades], available at: <http://okpdtr.ru/> (accessed 20.01.2021).

42. Startseva, M. (2020), "Pornography is Yulia's arrest, not her drawings. What is the essence of the case of the artist Yulia Tsvetkova and why is it important for everyone", *Gorizonta'naya Rossiya*, 27 June, available at: <https://7x7-journal.ru/articles/2020/06/27/pornografiya-arest-yulii-a-ne-ee-risunki-v-chem-sut-dela-hudozhnicy-yulii-cvetkovej-i-pochemu-ono-vazhno-dlya-vseh> (accessed 20.01.2021).

43. "Activist Yulia Tsvetkova entered the list of the most influential women in the world", *Radio Svoboda* [Radio Liberty], available at: <https://www.svoboda.org/a/30966931.html> (accessed 20.01.2021).

44. "Women 2020", *Glamour*, available at: <https://www.glamour.ru/woty2020/woty2020> (accessed 20.01.2021).

Information about the author.

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology) (2019), Associate Professor at the the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru